

странение вольноотпущенничества и переход к колонату создали условия, в которых идея свободы, понимаемой практически как освобождение от рабской зависимости, явилась выражением насущных задач, поставленных ходом экономического развития и классовой борьбы. В этой обстановке теория всеобщего „равенства перед богом“ приобретала действенный характер. Расширение римского национального пантеона за счет включения в него „иностраных“ богов и создание в конце концов международного пантеона, знаменовавшие признание за неиталийскими народами равных религиозных прав с римлянами, служили ярким показателем разложения рабства. Следующим шагом от интернационального пантеона богов была „всемирно-вечная“ религия — христианство. Христианство приняла не рабовладельческая, а феодализирующаяся Римская империя. Это явление было вполне закономерным, особенно если учесть, что к IV в. в христианстве победило умеренное крыло, проповедовавшее наряду с равенством всех перед богом покорность насилью (эксплуатации в широком смысле). Идея равенства перед богом неизбежно вела к отрицанию деления человеческого общества на людей и „орудия, наделенные голосом“ (*instrumentum vocale*), т. е. рабства, идея же непротivления открывала простор для всякого другого вида эксплуатации человека человеком. Обе идеи в совокупности появились в связи с формированием феодального способа производства. Другая великая религия, возникшая в период становления феодальных отношений (VII в.), — мусульманство — по своей социальной сущности совпадала с христианством.

Христианская религия занимает центральное место в объяснении В. Медлиным особенностей политического строя Византии, корни которого автор даже не пытается усмотреть в специфических условиях развития феодализма на территории империи. Основной чертой отличия Византийской империи от языческого Рима Медлин считает господствующее положение в ней христианства. Государственная организация Византии представляется Медлину результатом соединения римского политического порядка с христианством. У Рима Византия взяла, по мнению автора, пережиток языческого культа — обожествление светской власти императора. В чем состояло соединение римского порядка с христианством, автор не показывает достаточно четко. Во всяком случае из книги совершенно неясно, отличалась ли существенно по своему характеру власть византийского императора от власти императора римского. Медлин правильно называет Византию теократическим государством, в котором светская власть стояла выше духовной (стр. 24, 30). Автор указывает следующие черты византийской теократии: 1) император признается номинальным главой церкви, обладающим правами церковной юрисдикции, 2) власть императора и сама его особа обожествляются. Однако если ограничиться этими формальными признаками, вся система византийской теократии может быть определена в качестве модифицированной формы политической организации императорского Рима, так как и в Риме император был одновременно верховным жрецом (*pontifex maximus*), а обожествление светской власти императора есть, по признанию Медлина, пережиток римского языческого культа. Медлину свойственно, следовательно, представление о Византийской империи как христианизированной Римской, что объединяет его с А. Грегуаром и Н. Бейнзом, выразителями аналогичных взглядов в современном византиноведении⁷. Подобно явному волюнтаристу Бейнзу,

⁷ О них см. А. П. К а ж д а н. „Последнее слово“ современного буржуазного византиноведения. ВВ., т. V, 1952, стр. 225.